

РУССКАЯ ТОПИКА В СООТНОШЕНИИ ПРОСТРАНСТВА И МЫШЛЕНИЯ

А.Н. САМОЙЛОВ

Курский государственный университет

e-mail: planetaorion@list.ru

Работа отслеживает разнообразные толкования понятия «топос». Автор приходит к пониманию топоса как некоего дологического пространства текстов. Показывается несовпадение европейской топики и топики русского мира. В качестве характеристик русского пространства автор указывает на его враждебность и необходимость, требующие преодоления.

Ключевые слова: топос, общее место, территория, площадь, способ развертывания мысли.

В исследованиях, посвященных проблемам пространства, мы зачастую сталкиваемся с понятием «топос», который многие ошибочно синонимизируют с понятием самого пространства. Это не совсем верно в виду того, что слово *τόπος* в буквальном переводе хоть и означает «место», но употребляется в метрическом смысле, соответственно к географическому измерению пространства имеет довольно опосредованное отношение. Необходимо также отметить, что понятие «топос» является крайне неоднозначным и гораздо более широким, нежели полагают те исследователи, которые рассматривают только его геометрическое качество. Обратимся к истории данного понятия.

Впервые термин «топос» встречается у Протагора Абдерского (ок. 480 – 410 гг. до н.э.) и подробно разрабатывается Аристотелем в «Топике» и «Риторике». Немаловажным является тот факт, что уже Аристотель, по сути, родоначальник термина *τόπος*, отходит от его буквального и узкого понимания как участка пространства и располагает его в умозрительном мире – в пространстве логики, пространстве текста, пространстве мышления. В нашем исследовании мы попытаемся репрезентировать «топос» как *выраженные в языке условия достаточного основания, для осуществления мышления тем или иным способом*.

Так, А.Ф. Лосев, обращаясь к эстетике Аристотеля, столкнулся с неоднозначностью трактовки термина «топос». Он замечает, что топика не до конца понята и при разъяснении учения о топосах «многие, даже весьма ученые собеседники начинают разводить руками и выражать полное непонимание предмета»³. Исследователь обращается к классической трагедии Софокла «Антигона» 442 г. до н.э., в которой драматургом в основу произведения поставлен конфликт категорического несоответствия официально установленных законов и формальных правил, имевших существенное значение для родовых и семейных отношений. Топос здесь также является местом, но не точкой в пространстве, а некой ситуацией, откуда рассуждающий может черпать смыслы и причины для совершения тех или иных поступков. Согласно представлениям древних греков, воинов, бежавших с поля боя, следовало не хоронить с почестями, а выбрасывать за пределы города на съедение диким животным. В «Антигоне» Софокла Полиник оказался изменником родины. Логичен приказ царя выкинуть тело Полиника за пределы города.

Между тем, сестра Полиника Антигона, будучи преданной своему брату и семейным устоям, в тайне совершает обряд захоронения Полиника. Уже на этом этапе в сюжет трагедии врывается ярко выраженный топос. Из данного эпизода мы можем заключить, что топосом тут выступает некоторый *иной взгляд на событие*. С точки зрения царя и жителей, данный поступок является правильным и истинным, однако сама Антигона видит сложившуюся ситуацию совершенно под другим углом. Антигона действует соразмерно своим представлениям о любви и преданности роду, что является наглядным подтверждением того, что она находится в совершенно ином топосе. Если рассматривать топос как достаточное основание для производства доводов и посылок для логического суждения, то из данного эпизода мы можем выявить новую сторону для данной трактовки тер-

³ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979. Т. 5. – С. 336.

мина: топос совершает дальнейшее движение в область риторики и теории аргументации и занимает в них совершенно исключительное и самодостаточное положение. Таким образом, топос, благодаря трудам Аристотеля становится категорией риторической, а не метрической, и в риторике закрепляется довольно прочно. Софокл, заставляя персонаж Антигоны нарушать закон, тем не менее, оставляет ей право на сочувствие и понимание со стороны зрителя. Существенная часть зрителей пьесы поймёт Антигону, очевидно полагая себя на её месте, согласится с её поступком.

И здесь в нашем исследовании мы выходим на новое понимание топоса – как «общего места», иными словами, общего для людей пространства смыслов и достаточных оснований, для нарушения существующего закона. Те самые «общие места» обладают существенной ценностью для разворачивания риторики, так как позволяют вводить в диалог категории, не безусловно поддающиеся логическому осмыслению, – такие, как честь, долг, любовь, личностные предпочтения. Необходимо отметить, что риторический успех достигается только в том случае, если так называемые «общие места» будут общими в действительности и будут разделяться и приниматься существенным количеством людей. Таким образом, общими местами в риторике называются определенные области содержания, которые признаются всеми в данной аудитории как правдивые и проверенные общественным опытом⁴. «Общие места» в «Топике» Аристотель представляет в качестве разнообразных речевых фактов, обстоятельств, событий, явлений, понятий, которые не имеют непосредственного отношения к логической посылке, но которые риторика использует в том или ином смысле, стремясь сделать свою точку зрения максимально убедительной. Несмотря на то, что топос – категория риторическая, в каждой своей грани она несет следы своего пространственного происхождения, таким образом, появляется понятие «точка зрения». Точка зрения – это тоже своего рода общее место, – такое место, находясь в котором взгляд на тот или иной объект у разных людей будет проходить под приблизительно одним и тем же углом.

Термин *топос*, прочно закрепляясь в риторике и софистике, начинает опираться не на свое географическое происхождение, а на собственную аксиологическую сторону. Если понимать топосы как «общие места», то для принятия правды Антигоны зрителям необходимо нащупать в себе некие точки соприкосновения с позицией главной героини пьесы, то есть иметь общие с ней ценности. Тут мы открываем для себя психологическую, если угодно, иррациональную сторону топики: принятие истины будет происходить через отождествление себя с героиней посредством общих ценностей, предпочтений, для них обладающих безусловной самодостаточностью.

Вместе с тем как софистика отходит на второй план и понимание топоса как «общего места» теряет свою актуальность, то в литературе оно проявляется как фигура речи по типу устойчивого выражения – для обозначения какого-либо понятия, выступающего в роли очевидной, банальной истины, не нуждающейся в сомнении. Например: «Реки несут свои воды в моря». Последующим этапом развития топики становится древнеримская традиция риторики, в которой топос утрачивает свою загадочную многозначительность и начинает использоваться в качестве некоего клише, простейшей риторической формулы. Затем понятие топос надолго пропадет, в силу своей не востребованности философией средневековья и нового времени, и неожиданно проявляется в западноевропейском литературоведении в работах немецкого филолога Эрнеста Курциуса.

Курциус, по сути, воскрешает понятие *топос* для европейского литературоведения и вдыхает в него вторую жизнь. Топос понимается Курциусом как некая параллельная литературе реальность, не молчаливое пространство, наполненное уже существующими, уже заранее сформулированными языковыми конструктами, которые могут быть использованы универсальным образом, вне зависимости от жанра литературы и области применения. Топос в понимании Курциуса есть скрытый протолитературный пласт, лежащий ниже обозреваемой литературной реальности и в определенном смысле предшествующий ей. Курциус не только вспоминает забытое европейской мыслью понятие, но в значительной степени модернизирует его, совершая перенос топоса из области поиска устойчивых языковых конструктов в область оперирования самими этими конструктами.

⁴ Михальская А.К. Педагогическая риторика. Ростов н/Д.: Феникс, 2013. – С.43.

Курциус изымает понятие топоса из риторики и погружает его в поле теории литературы, что делает его гораздо более привлекательным для философского исследования. Если с точки зрения античной мысли в качестве топоса выступало пространство декорации сцены, то для Курциуса топос – это скорее ружье как предельно конкретизированный объект этой декорации, выстреливающий в развязке пьесы зачастую даже против замысла драматурга. Таким образом, примерно с середины XIX века понятие топоса начинает жить двойной жизнью: оно выступает в роли пространства текста и образа пространства в тексте. Различные стороны медали топоса уже в XX веке развернутся к философии одной своей стороной и к литературоведению другой.

Если говорить об образе пространства в литературе, то можно встретить примеры того, как та или иная географическая местность начинает жить самодостаточной литературной жизнью: например, Замоскворечье А.Н. Островского, Петербург Ф.М. Достоевского: *«Существует и у нашего великого романиста свой образ Петербурга, глубокий и значительный. Раскрытие его чрезвычайно существенно для понимания Достоевского. Но этот образ не есть продукт его свободного творчества. Он рожден, а не сотворен. Все впечатления петербургской жизни, порожденные пейзажем города, его белыми ночами и туманными утрами, его водами и редкими садами, великой суетой северной столицы, — все эти впечатления наслаивались одно на другое, перерабатывались в горниле бессознательного и нашли свое воплощение в рожденном гением образе»*⁵.

И если для теории литературоведения существенную роль будет играть именно эта сторона топоса как образа пространства в тексте, то для философии более значимой представляется понимание топоса как пространства текста. Примером такого пространства может служить концепт «архив» археологии знания Мишеля Фуко. Согласно воззрениям Фуко, архив представляет собой совокупность объектов, уже разработанных прежними философскими традициями, к которым человек может обращаться, последовательно извлекая из архива актуальное для него сообщение: *«Архив — это прежде всего закон того, что может быть сказано, система, обуславливающая появление высказываний как единичных событий. Но именно архив — причина того, что все сказанные вещи не скапливаются беспорядочно в аморфной множественности, не вписываются в непрерывную линейность и не исчезают при одном только появлении внешних случайностей, но группируются в различные фигуры, сочетаются друг с другом в соответствии с многочисленными отношениями, поддерживаются или постепенно исчезают в соответствии с частными закономерностями»*⁶.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к пониманию топоса как некоего дологического пространства текстов, языковых конструкций, находящихся в потенции общих мест и ожидающих обращения актора, в речи которого они будут актуализироваться. Сама возможность обращения к одним и тем же топосам субъектами одной языковой парадигмы делает возможность понимания высказывания другого лица. Топос есть консолидирующий связующий фон, обеспечивающий успешную интеракцию различных индивидуумов, располагая их точки зрения в едином семантическом поле общих для них мест и дающий возможность их дешифровки. Концепт топоса в подобном его изложении делает возможным регионализацию смыслов и речевых предпосылок. Топика есть обязательное основание успешной интеракции. Концепт *топос* – системообразующий элемент, выступающий неотъемлемым условием функционирования целого ряда философских, социологических и феноменологических систем.

В социальной философии Юргена Хабермаса поднимаются вопросы о том, как может осуществляться коммуникация между различными субъектами разума, как может реализовываться взаимопонимание между различными субъектами языка. Философ приходит к признанию существенной важности наличия картин мира как начального необходимого условия для успешной трансляции знания: *«Ведь “справедливость” прежде всего означает лишь, что соответствующие лица имеют веские основания, для того чтобы избрать общий образ действий; и в качестве ресурса для «веских оснований»*

⁵ Анциферов Н.П. Петербург Достоевского: опыт литературной экскурсии. Пг., 1921. – С. 12.

⁶ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. – С. 130.

годится любая религиозная или метафизическая картина»⁷. Иными словами, наличие картин мира, под влиянием которых, формируется сознание индивида, для Хабермаса, базовое начальное условие на фоне которое может разворачиваться успешное коммуникативное действие.

Центральной идеей «теории коммуникативного действия» выступает «коммуникативная рациональность». В силу того, что социальное действие носит исключительно коммуникативный характер субъекты коммуникации сообщают выстраивают интересующие смыслы, цели, ценностные ориентации, соотносят свою деятельность с достигнутым соглашением, постоянно наращивают процесс социальной интеграции, пока не достигается солидарность, между субъектами семантического пространства, именно этот процесс совместного возделывания смыслов Хабермас называет коммуникативной рациональностью. Вступать в коммуникацию людей заставляет изначально данная от рождения потребность в другом и внешняя угроза, избежать которой, можно лишь только объединив интеллектуальные усилия. Примером «коммуникативного разума» по Хабермасу может служить команда корабля, которому нужно достичь гавани не утонув и не посадив свое судно на мель. Экипаж корабля состоит из матросов, навигаторов, радиостов, капитана, но пока они объединены общей целью – доплыть, они представляют собой единое целое – коммуникативную единицу. Качество интеракции, согласно Хабермасу, будет существенно выше, если коммуникативные единицы базируются на мышлении, основываясь на единой картине мира. По Хабермасу, картина мира есть нечто, что задает не просто вектор направления мышления, но и предопределяет его аксиологию, гносеологию и телеологию. Если понимать картину мира как интеллигибельное пространство, то она предстанет перед нами в качестве макрорегиона, а топосы, в свою очередь, – как пространства более локальные, включенные множества по отношению к картине мира.

Понимание топоса как пространства текста – по сути, структуралистский подход, на который обратил внимание еще Клод Леви-Стросс, когда говорил, что в любых культурах находятся латентные основания, упорядочивающие, на первый взгляд, хаотичные феномены бытия. Он разглядел в природе мифа общие формы, которые, по Тейлору, назвал «бессознательными структурами, лежащими в основе каждого социального установления и обычая»⁸. Эти структуры можно наблюдать на всех уровнях культуры, в образе сложного целого, вбирающего любые способности и привычки, впитанные человеком как общественным существом. Леви-Стросс подчеркивает, что человек обнаруживает себя в мире, где все вещи уже названы, он оказывается в мире, где язык предшествует его появлению.

Согласно концепции языка Фердинанда де Соссюра: «Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является психическим впечатлением звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств»⁹. Языковой знак предстает перед нами в виде обоюдоострого феномена психики, в котором оба компонента – означаемое и означающее, тесно связаны и предполагают наличие друг друга. Если мы предположим, в качестве «означаемого» не только акустический, но еще и визуальный образ и переложим эту структуру на пространственные координаты, то получим широкие возможности для изучения топика, как текста, а в конечном счете и всего окружающего нас пространства как текста, который можно читать, интерпретировать, дешифровать, пересказывать и даже постоянно воссоздавать, а инструментом этой перманентной передачи и воссоздания выступает вся социокультурная среда, в которой мы существуем и частью, которой мы являемся.

Таким образом, на основе вышеизложенного мы можем вывести, по крайней мере, три основных определения топоса:

- условие достаточного основания для производства смысла, для античной философии, на примере поступка Антигоны (Аристотелевский подход);
- пространство потенциально исполненное смыслами, в том числе и пространство текста (подход Эрнеста Курциуса);

⁷ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Спб.: Наука, 2001. – С. 88.

⁸ Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939. – С. 28.

⁹ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М. 1977. – С. 99.

• коммуникативный инструмент (теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса).

Вместе с тем для нашего дальнейшего исследования предложенные варианты понимания топоса следует привести к возможному синтезу и представить в виде действенного способа развертывания мысли отличным от иных способов и конституированном в строго определенном регионе (общем месте).

При внимательном изучении феномена топоса мы сталкиваемся с его инструментально-конвенциональной природой. И в силу того, что топос представлен в виде области отсылок, основным трендом в прояснении любой темы является отсылка к истории вопроса. История – это своего рода тоже топос, хранилище значений, фактов и высказываний, а обращение к истории есть продуктивный способ развертывания мысли, ведь зачастую сама история выступает широким пространством для поиска необходимых в настоящем аргументов. Из чего можно сделать вывод о том, что топика исторична, а история интерпретационна. В зависимости от способа её трактовки процесс выделения в истории актуального для нас топоса объясняет динамический, постоянно самовоспроизводящийся механизм. В этом контексте интересно обозначить примечательный феномен отечественной историографии: определённая географическая местность в тот или иной момент времени пытается установить монополию на трактовку исторического процесса путем проецирования локального участка пространства на его периферию. Наглядным подтверждением этого может служить топос «Московская Русь». При Иване Грозном автоэтноним «Московская Русь» использовался как самообозначение территории Московского княжества, а уже после централизации русских земель вокруг Москвы термин распространил свое значение на территорию всей Руси. Последующая политическая экспансия Московского княжества идет синхронно с синонимизацией понятия «Московская Русь» и Русь, в принципе, как совокупность прилегающих к Москве княжеств. Привычку называть допетровскую Россию Московской Русью возродили историки XIX столетия, руководствуясь в периодизации российской истории противопоставлением Столыпиной – Москвы и Петербурга. Подобную терминологию использовали также историки советского периода, несмотря на то, что столица в то время была вновь перенесена в Москву.

Если говорить о топосе в территориальном смысле как *пространстве развития социальной интеракции*, то нельзя не заметить, что в самом определении топоса как общего места, по сути, заложены основные векторы его осмысления. Если попросить две группы людей, стоящих на северном и южном склонах горы указать на её вершину, они будут указывать на противоположные направления, одновременно обозначая один и тот же предмет. Вместе с тем нахождение людей на определенном участке пространства по отношению к объекту будет предполагать наличие у них общего угла обзора, то есть общей точки зрения.

В этом контексте мы можем обратиться к значимым топосам для европейской культуры. Таким топосом является «площадь». Взять хотя бы во внимание тот факт, что площадь – это в прямом смысле общее место. Городская площадь – участок городского пространства, где обычно скапливается большое количество людей: туристов, торговцев, зевак и представителей самых разных сословий, где они перемешиваются, и как это было в европейской культуре, выступают, по Хабермасу, в качестве функциональной единицы социальной интеракции. Европейская культура – это в каком-то смысле культура площадей. Американский сатирик Джордж Карлин в шутку говорил, что если бы он был президентом некоей страны, он бы первым делом убрал бы городскую площадь, ибо на этих площадях никогда ничего хорошего, в частности, для властвующего субъекта, не происходит. Так или иначе, Европа свою историю творит на площадях. На площадях происходят революции, на площадях они рождаются на площадях же они и разрешаются, и только на этом ограниченном, но особым образом устроенном участке пространства, происходит нечто значимое для всего общества в целом, ибо топос площади является некоей культурной матрицей, собирательным образом, неким уплотненным, ужатым пространством – общим местом. Гражданское общество появляется на площади Афин, более известной как Агора, там же оно о себе и заявляет посредством правдивой речи граждан полиса.

Греческая Агора обладала целым рядом функций в жизни горожан: торговой, развлекательной, праздничной, но для формирования демократии площадь в центре полиса

сыграла самое решающее значение. Европейский дух, центральным нервом которого является свобода слова, впервые заваял и обрел собственную свободу на городской площади Афин. Справедливо будет отметить, что в формировании философии как высшей формы проявления социального интеракционизма, т.е. типа проявления наиболее продуктивной интеракции между общающимися субъектами, древнегреческая площадь так же оказала наиболее существенное влияние.

Древнеримская культура заимствует подобный тип организации городского пространства, и центральная площадь Рима известна современникам как Форум. Форум в республиканский период стал центром политической, религиозной и экономической жизни Рима. Здесь билось сердце античного Рима. Здесь выбирали консулов, решали судьбу Карфагена, принимали законы, чествовали триумфаторов и меняли деньги. Здесь стояли императорские дворцы, выступали гладиаторы. Излишне говорить о роли Форума для европейской топики, но нельзя не отметить, что слово *форум* стало топонимом, и бережно унаследовалось европейскими языками как обозначение мероприятия, проводимого для коллегиального обозначения или решения значительных проблем.

Наша работа базируется не на установках географического детерминизма, но тем не менее, стоит сказать, что влияние географических, климатических условий на народ, проживающий в определенной местности, был замечен давно, и этого влияния никто никогда не отрицал, чаще оспаривалось только ключевое значение этих факторов, степень и вектор влияния таких условий.

Хабермас определяет общество как социально-культурную систему, которая развивается путем освоения внешней природы посредством взаимодействия с ней. Такая установка, на наш взгляд, способствует пониманию одной из причин того, почему топка «площади» для русской жизни не имела столь решающего значения. Площадь как географический объект существует в любой культуре и традиции, как часть агломерационного устройства, и русский мир здесь не исключение. Вместе с тем для создания общества в европейском смысле необходимо не столь наличие самой этой площади, сколько *существенная плотность людей в его границах*. Для формирования гражданского общества необходимы такие территориальные условия, в которых будет не хватать пространства для ухода от диалога, и борьба за собственные права делается неизбежной.

Решающая особенность жизнеустройства людей в России (в историческом смысле) состоит в крайне *некомпактном способе его распределения*. Наличие свободной территории уже включает в себе возможность уйти дальше, вследствие чего площадь так и не стала определяющим топосом в рамках русской топики. В границах исторического формирования русского самосознания просто не было географических предпосылок для средоточения этноса в необходимой пропорции. Если мы проследим историю основных европейских площадей – Трафальгарской в Лондоне, Жандарменмаркт в Берлине, мы вспомним, что это то пространство, на котором разворачивался театр истории, что это те места, на которых происходили самые значимые, с символической точки зрения, события в жизни Европейского мира. Площадь – это сцена, на которой акт за актом менялись смыслы, совершала свой ход история. К примеру, в Париже, во время Великой Французской Революции, статую короля на площади Революции сменила гигантская гильотина, следует принять во внимание, что именно здесь несколько позже, были казнены Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта, мы обнаружим топiku этого места, как область предельно материализованной символики.

Площадь Согласия становится топонимом, и уже самое площадное пространство начинает хранить и транслировать будущим поколениям смысловой импульс духа революции. Для французской топки понятия «площадь» и «революция» начинают звучать в унисон, они становятся родственными конструктами, феноменами единой природы. Во французской топике эти понятия настолько близко расположены по отношению друг к другу, что на месте крепости Бастилии, разрушенной в ходе Великой Французской Революции, французы основывают площадь Бастилии, обозначая приоритет пространства площади над пространством тюрьмы как метафизического акта преобладания свободы над закрепощенностью.

Геоморфогенез площади имеет ряд существенных отличий от иных городских пространств. Человек, выходящий на общее место площади, становится обозримым с четы-

рех сторон света, но он не просто делается открытым сам, для него также становятся незащищенными остальные – возможные субъекты его физических, социальных, визуальных, аудиальных связей. Человек на площади – это человек, открывающийся для другого и открывающий себя. Человек площади – предельно искренний, лицо, стремящееся себя сделать максимально не сокрытым, что требует подобного несокрытия от окружающих, – сама конституция площадей предусматривает формирование человека подобного типа. Интерьер площади – идеальный инструмент сообщения. Кричать, провозглашать, декламировать политические, социальные культурные лозунги на площади – значит максимально увеличить потенциальное количество абонентов своего сообщения.

Пространство площади – своего рода зрительный зал, только в отличие от концертных декораций, которые двухмерны (актер – зритель), пространство площади трехмерно, – все являются зрителями и одновременно участниками представления. Даже этимология слова *республика* берет свое начало в топике площадей, от латинского *res publica*, «общее дело»; но для того, что бы заняться общим делом, нужно встретиться, необходимо объединиться в каком-то общем месте, в нашем случае – площади. Мишель Фуко в работе «Надзирать и наказывать» подробно разбирает церемониал публичной казни, разворачивающийся на Гревской площади Парижа: «Людей созывают как зрителей: они собираются, чтобы наблюдать публичное выставление и покаяние; позорные столбы, виселицы и эшафоты воздвигаются на людных площадях; иногда трупы казненных по несколько дней демонстрируются близ мест совершения преступлений... Виновный платит дважды: выполняемой работой и производимыми знаками. В сердце общества, на площадях или больших дорогах, осужденный образует средоточие выгоды и значения»¹⁰. Виктор Гюго в романе «Собор Парижской богоматери» назвал Гревскую площадь символом средневекового правосудия – жестокого и кровавого.

Если понимать топос не в строгой зависимости от определенного участка пространства, а использовать его в более древнем (античном) ключе – как общее место, как риторическую категорию, доопытно воспринятую разумом на правах очевидности, то в сознании последовательно складывается то, что Френсис Бэкон назвал «идолами площади»: «Наиболее же тягостны идолы площади, проникающие в человеческий разум в результате молчаливого договора между людьми об установлении значения слов и имен. Ведь слова в большинстве случаев формируются, исходя из уровня понимания простого народа и устанавливают такие различия между вещами, которые простой народ в состоянии понять; когда же ум более острый и более внимательный в наблюдении над миром хочет провести более тщательное деление вещей, слова поднимают шум, а то, что является лекарством от этой болезни (т. е. определения), в большинстве случаев не может помочь этому недугу, так как и сами определения состоят из слов, и слова рождают слова»¹¹. Идолы или призраки площади, согласно Бэкону, – препятствия, которые встают на пути разума, не подвергающегося критическому осмыслению следствия общественной природы человека. Теория призраков площади в контексте нашего исследования – это теневая сторона конвенциональной природы смысла и его региональной значимости.

Смысл в теории социального интеракционизма, продукте философии структурализма – понятие коллегиальное, смысл есть нечто, что обозначено социально-культурной системой в качестве смысла. Ф. Бэкон же предупреждает о негативной, деструктивной природе топике, ведь общество или толпа конвенционально могут провозглашать и глупость в том числе, т. к. площадь может ошибаться. История Европы хранит достаточное количество подтверждений ошибающихся, мстящих и расправляющихся площадей. К таким площадям можно отнести площадь Старого Рынка в Руане, на которой руками кардиналов католической церкви была заживо сожжена Жанна Д'Арк, а спустя четверть века оправдана и канонизирована в ранге святых. Более зримыми примерами подобного рода ошибок являются проявления переменчивого настроения площади, сделавшей Робеспьера идеалом Великой Французской Революции, первосвященником «Гражданской

¹⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. – С.159.

¹¹ Бэкон Ф. Великое восстановление наук // Сочинения в 2-х томах. Том I. М.: «Мысль», 1977. – С. 309-311.

Религии», а несколько позже издававшей крики «Распни его!» во время казни на площади Революции в 1758 году.

Топос площади находит свое место и в русском мире, но при этом нельзя не отметить, – в архитектонике русской топики обладает несколько иным значением. Европейская топка стремилась заявить о себе русскому миру. Наиболее показательным, на наш взгляд, примером такого мессенджера явился немецкий пилот – любитель Матиас Руст, пересекший границу воздушного пространства СССР и посадивший самолет на Красной площади в Москве в 1987 году. Сам немецкий летчик объяснил свои действия как акцию по «призыву к миру». Европейцу подобный перформанс казался глубоководным и символическим по своей природе, и самолет на площади для западной топики – это показатель свободы и отсутствия границ, в то же время, в определенном смысле, – революцией, совершенной демонстративно на площади, разрушая, преодолевая «железный» занавес. Вместе с тем существенного удивления у жителей Советского Союза эта акция не вызвала в силу того, что площадь в измерении русской топики не обладает статусом сакрального пространства. Единственное, чем ответил народ на это действие, – появлением шуток о том, что теперь Красную Площадь переименуют в Шереметьево-3.

Разность отношения русского и европейского сознания к площадям зиждется в разности архитектоники этих топосов. История России хранит воспоминания о противоречиях противоположных топосов. Но, в отличие от европейской, русская топка чаще всего разрасталась не в пользу площадей, и как следствие, не в пользу социально-интеракционных моделей, порожденных ими. И события русской истории, получившие название «Хованщина», наглядно демонстрируют формирование своих приоритетов русской топики. Во время Стрелецкого Бунта в 1682 году высшим стрелецким начальником Софья назначает князя Ивана Хованского, полагая, что он сумеет утихомирить начавшуюся среди стрельцов смуту. Князь Хованский занимает вместе с взбунтовавшимися стрельцами Кремль под предлогом охраны палат и выдвигает финансовые требования к правительству. В это время в Москву приезжают старообрядцы, дабы воспользоваться слабым положением Софьи и заявить о своей власти. Хованский поощряет проповеди старообрядцев среди стрельцов, воспринимая сложившуюся ситуацию как дополнительный рычаг воздействия на Софью. Стрельцы поддерживают идею возвращения к старообрядческому богослужению, но против этого категорически выступает патриарх действующей церкви.

Для преодоления разногласий старообрядцы предлагают устроить публичный теологический диспут, который, по их замыслу, должен был пройти на Красной площади при большом скоплении стрельцов и народа, поддерживающего в своем большинстве в то время стрельцов и старообрядцев. Но Патриарх Иоаким четко понимает, что проведение диспута на площади – максимально не благоприятное для него место, так как разногласия двух церквей состояли в отношениях к тонкостям богослужения и способам трактовки религиозных текстов, разобраться в которых могли только сами служители культа. Он понимает, что в условиях площадного пространства победит не тот, чьи аргументы будут правдивее, а тот, кого поддержит толпа, к тому времени настроенная изначально против власти. Поэтому на проведение диспута Иоаким дает согласие, но предлагает провести его в замкнутом пространстве Грановитой палаты Кремля, рассчитывая на поддержку бояр и приближенной свиты. Старообрядцы же, напротив, настаивают на проведении прений именно на площади, полагая, что при обильном скоплении людей, перед лицом народа все ереси и неправды никонианские станут очевидны. Идею патриарха активно поддерживает Софья Алексеевна, она заявляет, что придет на диспут вместе с царевнами, своими сестрами и тетками, ведь им, как девицам, зазорно присутствовать на площади.

Теологический диспут состоялся 5 июля 1682 года в Грановитой палате Кремля, он окончился взаимными обвинениями в ереси и отступлении от веры. Стрельцы были вынуждены покинуть Кремль, заявляя на выходе, что диспут закончился их победой. На примере событий «Хованщины» мы имеем довольно показательный пример того, как пространство, а точнее, специфика его организации, способна определить ключевой вектор развития русской истории. Эти события – уникальный, наглядный пример зависимости исхода событий от организации пространственных координат, от способов устройства

системы социальной интеракции между субъектами языка в споре. Таким образом, мы полагаем топос площади далеко не самым важным системообразующим аспектом генеалогии русской топики. Факт перенесения диспута из открытого пространства площади в замкнутое пространство Грантовиной палаты явился отходом властвующего субъекта от демократической концепции власти, источником которой, согласно этому подходу, является народ, в замкнутое кулуарное пространство.

Пролить свет на соотношение пространства и мышления нам помогает геополитическая концепция «Мирового Острова», сформулированная английским географом Хелфордом Маккиндером. Предельно обобщая знания о географическом устройстве Земли, Маккиндер отталкивается от меткого наблюдения, что пространство суши на карте представлено совокупностью больших и малых островных образований вокруг огромного евразийского континента, центральная часть которого закрыта для проникновения с моря по естественным физическим причинам. Эта самая закрытая область на равнинах Евразии получила в его концепции название «Heartland» «Срединная Земля». Отправной точкой исследования Маккиндера послужило убеждение, что географические условия – наиболее устойчивая константа. И если многие исследователи работ Маккиндера причисляют его к географическим детерминистам, то отчасти они правы, концепция «Оси пространства» является системообразующим стержнем его работ. Вместе с тем некоторые положения Маккиндера выделяют его из числа географических детерминистов: *«Влияние географических условий на человеческую деятельность зависело... не просто от факторов, о которых мы теперь знаем, что они были, есть и будут, но в гораздо большей степени от того, как люди их представляли. Из практических целей на наше видение геополитических реалий влияют пришедшие из прошлого предрассудки. Другими словами, человеческое общество до сих пор оценивает географические факты не такими, каковы они есть, а в не меньшей мере такими, какими они представляли в ходе истории»*¹². Иными словами, человеческое сообщество общается с географической реальностью не напрямую, а через призму определенных устоявшихся стереотипов, сформированных в языке задолго до того, как он обнаружил себя в определённой географической реальности.

И то, что Маккиндер называет геополитическими реалиями, в контексте нашего исследования ни что иное, как топос – поле представлений о существовании, функционировании и организации данного пространства. В основе концепции «Хартленда», по сути, стоит фундаментальное противоречие моря и суши. Исследования Маккиндера, представляет для нас существенную ценность, так как выдвигают важнейший критерий типологии пространств – их принципиальную замкнутость или открытость. Теория Маккиндера доказывает, что европейские народы, поколение за поколением, взаимодействуя друг с другом, будут, вне зависимости от собственной воли, в своей топике опираться на квант замкнутости и подсознательно для себя будут формировать идею категорической невозможности покинуть данное им изначально пространство. Расстановка, Маккиндером на географической карте мира ментальных импульсов, выраженных в глобальной стратегии, отчасти проливает свет на причины явной невыраженности в русской топике, топоса площади, в отличие от топики евро-атлантического мира.

Основываясь на теории Маккиндера о «Срединной Земле», мы определяем существенную особенность русской топики как принципиально *замкнутого пространства*, а в антагонизме с топикой «европейской площади» обозначаем существенное отличие русского топоса как *протяженного пространства, сохраняющего возможность дальнейшего продвижения вглубь него*. Принципиальной характеристикой русского пространства выступает его враждебность, *необжитость*, что, в конечном счете, наталкивает на мысль о его преодолении. Русская топика по своей природе иррациональна, она выстраивает себя апофатически, т.е. постоянно указывает на свое противоречие и обозначает себя посредством отрицания, – отрицания себя в том числе. Пространство, которое отрицает само себя, не аннигилируется, не схлопывается, не проваливается внутрь самого себя, оно

¹²Маккиндер Х.Дж. Демократические идеалы и реальность // Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 134-144.

лишь только отсылает к своей противоположности, конституируется через максимально удаленный от себя антипод.

Список литературы

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979. Т. 5. – 766 с.
2. Михальская А.К. Педагогическая риторика. Ростов н/Д.: Феникс, 2013. – 379 с.
3. Анциферов Н.П. Петербург Достоевского: опыт литературной экскурсии. Пг., 1921. – 20 с.
4. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. – 488 с.
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 382 с.
6. Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939. – 567 с.
7. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М. 1977. – 689 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. – 480 с.
9. Бэкон Ф. Великое восстановление наук // Сочинения в 2-х томах. Том I. М.: «Мысль», 1977. – 570 с.
10. Маккиндер Х.Дж. Демократические идеалы и реальность // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 134-144.

RUSSIAN TOPEKA IN THE RATIO OF SPACE AND THINKING

A.N. SAMOYLOV

Kursk State University

e-mail: planetaorion@list.ru

The work traces various interpretation of concept "topos". The author comes to understanding a topos as certain prelogical space of texts. Discrepancy is shown European topics and topics of the Russian world. The author specifies his hostility and the neobzhitost demanding overcoming as characteristics of the Russian space.

Keywords: topos, platitude, territory, area, how to deploy of thought.